

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

СНАЙПЕРЫ

Артем Владимирович Драбкин
Снайперы
Серия «Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48515262

*Снайперы:
ISBN 978-5-00155-066-2*

Аннотация

Снайпер – специально подготовленный и в совершенстве владеющий своим оружием солдат, привлекаемый для решения огневых задач на расстояниях и в условиях, требующих особых навыков и высокого уровня индивидуальной стрелковой подготовки. Первые снайперские подразделения появились еще в XVIII веке, во время Американской Войны за независимость, но настоящим раем для снайперов стала Первая мировая война.

После начала Великой Отечественной войны в СССР началась широкая подготовка снайперов, которых стали готовить не только в специальных школах, но и на курсах ОСОАВХИМа, Всевобуча, а также непосредственно в войсках. К февралю 1942 г. только на Ленинградском фронте насчитывалось 6 000 снайперов, а в 1943 г. в составе 29-й и 70-й армий были сформированы специальные снайперские батальоны.

Новая книга проекта «Я помню» (<http://iremember.ru>) – это правдивый и порою бесхитростный рассказ тех солдат Великой Отечественной войны, которые с полным правом могут сказать: «Я был снайпером».

Содержание

Медведева-Назаркина Александра Петровна	6
Соловей Нина Сергеевна	10
Котлярова (Захарова) Антонина Александровна	18
Галышкина (Клейменова) Мария Александровна	29
Вакаров Константин Александрович	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Снайперы

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Медведева-Назаркина Александра Петровна

Когда началась Великая Отечественная война, я только окончила второй курс педагогического училища. Отец ушел на фронт, а я стала работать на швейной фабрике им. Н.К. Крупской. Принимала участие в срочных торфоразработках, копала противотанковые рвы.

Узнав о существовании курсов по обучению снайперской стрельбе, обратилась в военкомат с заявлением. Меня направили в Центральную женскую школу снайперской подготовки. В этой школе собралась целая рота маленьких – и по росту, и по годам – девушек. Нас так и прозвали – «рота карандашей».

Окончила школу успешно и в звании старшего сержанта в конце 1943 года прибыла на фронт под Оршу – в 508-й стрелковый полк 174-й стрелковой дивизии.

В полку к нам, девушкам, бойцы относились отечески, особенно пожилые солдаты. Фронтовики знали, как непросто выжить на передовой, особенно таким хрупким, как мы. В мерзлых окопах и блиндажах порой и умываться-то приходилось только жгучим снегом.

Каждые день и ночь снайперы ходили на передовую – на «охоту». Окапывались и наблюдали за передвижением нем-

цев на переднем крае. Тут я и открыла свой снайперский счет.

Помню, как убила первого фашиста. Вместе с напарницей Зиной Вершининой мы заняли наши снайперские позиции. Наблюдая за вражескими позициями, обнаружила пулеметчика. Прицелилась и выстрелила. Попала или нет, неизвестно. Но когда вернулась в подразделение, то все уже знали, что я уничтожила врага. Об этом сообщил артиллерийский наблюдатель. Он увидел в свой перископ, как был убит вражеский пулеметчик. Все радовались, спешили ко мне с поздравлениями. А я плакала, потому что пришлось убить человека...

Мне – обычной девушке – было очень трудно освоиться на фронте и стрелять в людей, хотя и понимала, что стреляю по врагам. Вскоре в моем сознании произошел перелом. Видя людское горе, слезы и кровь родной земли, я поняла, что не может быть жалости к лютому захватчику. За уничтожение первых 10 гитлеровцев меня наградили медалью «За отвагу».

Началось наступление. Целыми отделениями, взводами и ротами гибли мои товарищи и подруги. Наш полк на ходу принимал пополнение и вновь шел в атаку.

Освободили Оршу, Минск, Гродно, Сувалки. Разгорелись бои у Балтийского моря. Главное направление – Кенигсберг! Здесь меня ранило в руку. После лечения на попутных машинах догнала однополчан.

Бои были тяжелые и кровопролитные. В одном месте на побережье мы обнаружили лагерь военнопленных и освободили всех заключенных. Сколько было радости, счастья и обильных слез на их лицах! Они целовали нас и рыдали, как дети...

Среди многих боевых эпизодов мне особенно запомнился следующий. Осенью 1944 года тяжелые бои шли в Польше. На одном участке появился вражеский снайпер, и мы несли ощутимые потери: погибли командир, разведчик, многие связисты. Поступил приказ: «Уничтожить фашистского снайпера!»

На выполнение задания отправились втроем: Нина Исаева, Лена Акулова и я. Устроились на позициях и начали бронбойно-зажигательными пулями стрелять по крышам домов. Соломенные крыши быстро загорелись, немцы стали выбираться из домов со своими пулеметами и минометами. А мы стреляли и стреляли... Так увлеклись, что забыли об осторожности. И немецкий снайпер засек нас. Метким выстрелом он попал Нине Исаевой прямо в глаз. К счастью, она осталась жива, но потеряла глаз и существенно утратила зрение.

Сосредоточившись, мы все же обнаружили логово вражеского снайпера и уничтожили его, а также многие другие огневые точки немцев. Задание выполнили полностью! За эту успешную боевую операцию я была награждена орденом Славы III степени.

Война продолжалась. На моем счету уже было 43 уничтоженных фашиста. Меня наградили вторым орденом солдатской Славы – II степени.

Окончила войну в Чехословакии. Участвовала в параде по улицам Праги. Вернулась домой в августе 1945 года.

Соловей Нина Сергеевна

Я выросла в Москве и люблю этот город. Здесь я училась в школе, потом закончила фабрично-заводское училище. Судьба привела меня на завод, который выпускал самолеты. Заводская молодежь поголовно увлекалась авиацией, стремилась в воздух. Многие из нас занимались в аэроклубе.

И вдруг, в июне сорок первого года, страну потрясло сообщение о том, что фашистские полчища вероломно вторглись в наши пределы, вознамерившись уничтожить первое в мире социалистическое государство, нашу гордость и надежду.

В цехах проходили митинги, на которых рабочие высказывали свое горячее желание отправиться на передовую, чтобы с оружием в руках защитить Отечество. Многие комсомольцы уже в первые дни войны добровольно ушли в действующую армию.

Перед войной меня выбрали комсоргом цеха, и я хорошо знала настроения заводской молодежи. Многие девчата пошли на краткосрочные курсы медицинских сестер, чтобы побыстрее попасть на фронт и помогать бить фашистов.

Враг приближался к столице. «Кровавая лапа фашизма тянется к сердцу нашей страны – Москве. Москва в опасности! Все силы на отпор врагу!» – призывали газеты.

Я попала в 3-ю Московскую коммунистическую стрелко-

вую дивизию, ставшую впоследствии 53-й гвардейской. Я оказалась в разведке. Нашей ротой командовал Герой Советского Союза Николай Берендеев. Здесь я встретилась с замечательными девушками-разведчицами Наташей Малышевой, Тасей Назаровой, Ирой Магадзе. В снайперской «охоте» моей парой стала Зиба Ганиева. Судьба ее была необычной. Очень красивая, очень хорошо танцевала, она приехала в Москву из Узбекистана, чтобы поступить в Институт театрального искусства. Война нарушила все планы и Зиба стала бойцом-добровольцем Московской дивизии. Трудно ей было. Она ведь выросла в Средней Азии. Снега там не бывает и, конечно, освоить лыжи стало для Зибы серьезной проблемой.

Я же была неплохой лыжницей, вместе с Катей Будановой выступала за заводскую команду. У нас с Зибой начались каждодневные тренировки. Она была упорной девушкой...

Очень нравилась мне и Ира Магадзе – наш санинструктор. Она была очень молоденькой, но стала для разведчиков доброй наставницей – заботливой и требовательной, как мать. Одно время в дивизии было плохо с продовольствием. Ребята голодали и тайком подкармливались мясом погибших лошадей. Ира была категорически против этого, ведь такая еда может кончиться большой бедой. Заходя в землянку, Ира старалась определить, не пахнет ли в помещении кониной, и если ее подозрения оправдывались, заставляла уничтожать «припасы»...

Уходя с Зибой Ганиевой на «охоту», мы часто встречались с Наташей Ковшовой и Машей Поливановой. Можно с уверенностью сказать, что именно они своим примером стимулировали в нас желание испытать свои силы в единоборстве с фашистами.

Весной 1942 года, когда завершилось наступление нашей дивизии, мы с Зибой решили основательно потренироваться в снайперской «охоте», пользуясь временным затишьем. Стоял прекрасный солнечный день. Хотелось радоваться жизни, любоваться пробуждающейся природой. Но шла война...

Наш передний край находился на опушке леса. В нескольких десятках метров от наших позиций копошились гитлеровские солдаты, укреплявшие окопы. Они вели себя уверенно и нагло, даже не допуская возможности быть пораженными нашими пулями.

Мы выбрали позицию и определили цель. Залп произвели одновременно – и два фашиста упали замертво. Сразу же на наши позиции обрушился минометный огонь. Долго мы лежали, боясь пошевелиться, но все обошлось благополучно. После этого первого успеха мы с Зибой часто выходили на «охоту».

К нам приходили опыт и сноровка, умение выследить врага и нанести безошибочный удар. Помню, возвращались мы с передовой... Поднялись на холм и залюбовались прекрасной картиной. Перед нами лежал лес, вдали извивалась ре-

ка, а кругом белели ромашки... И тут волшебное очарование родной природы нарушил винтовочный выстрел. Пуля пролетела мимо, но мы поняли, что в нас стрелял вражеский снайпер. Потом мы долго изучали местность и наконец обнаружили врага, под прицелом которого находилась вышка. Через короткое время нам удалось приблизиться к нему и уничтожить.

Моя боевая подруга Зиба вскоре заслужила своими героическими действиями орден Боевого Красного Знамени. А однажды, во время разведывательной операции, она была тяжело ранена и отправлена в госпиталь. Она стала инвалидом, и боевой путь Зибы закончился.

На Новгородской земле, в феврале 1943 года, тяжелое ранение постигло и меня. Лечиться меня направили в Ярославль, а после выздоровления я попала в уникальную женскую снайперскую школу, которая была как бы преемницей тех курсов, на которых учились Наташа Ковшова и Маша Поливанова. Находилась эта школа в Перовском районе Москвы на улице, получившей впоследствии название Снайперской. Есть неподалеку и улица Алии Молдагуловой, девушки-казашки, также окончившей эту школу и героически погибшей на фронте.

Я попала в удивительный мир... Девушки изучали основы воинской службы, стрелковое дело, оружие – и не только снайперское, но и автоматы, пулеметы. Они ценили каждую минуту своего времени, стремясь получить в школе макси-

мум знаний и практических навыков. Они не знали, что такое капризы или лень, упорной учебой и тренировками закаляли свой характер. Многим курсантам были вручены именные снайперские винтовки, с которыми они и отправились на фронт.

Мне довелось учиться в инструкторской роте, которая комплектовалась курсантами, имевшими фронтовой опыт, и по окончании школы меня назначили командиром снайперской группы из шестнадцати девушек.

Итак, мы, в сопровождении инструктора политотдела школы Нины Белкиной, в прошлом преподавателя МГУ, прибыли в штаб 4-й Ударной армии, в район Полоцка, и оттуда – в 90-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Все девушки, ставшие теперь настоящими фронтовыми снайперами, были как одна семья, хотя и были уже распределены по снайперским парам.

Приключения начались с первой же ночи. Уставшие с дороги, девчата сразу заснули, но ужасающий грохот в печке всех скоро поднял на ноги. Явившийся из штаба офицер отнесся к происшествию спокойно: он потянул носом и заявил, что кто-то бросил в печку толковую шашку,

Утром тайна развеялась. Перед входом в нашу землянку красовалась хвойная гирлянда. Еловыми ветками были искусно выложены слова: «Привет девушкам-снайперам от разведчиков».

Ночью на «охоту» отправились первые пары: Валя Мас-

ленникова с Сашей Боровицкой, Галя Чивильча с Тоней Канунниковой, Женя Ершова с Элей Давыдовой, Галя Краузе с Машей Комаровой и я с Катей Подшиваловой. Этот первый выход на огневые позиции стал для вчерашних курсантов настоящим боевым крещением. Им сразу же пришлось участвовать в отражении атаки противника. В роте, куда попали Женя Ершова и Эля Давыдова, молодой лейтенант раздраженно проворчал: «Зачем пришли? Отсиживались бы лучше на КП». Гитлеровцы пошли в наступление. Заговорила наша артиллерия. Тут уж было не до снайперской «охоты» – надо было отбиваться.

И девушки не сплеховали. Наутро командир полка сказал: «Товарищи снайперы! В ночном бою вы проявили себя настоящими бойцами! «Это была очень нужная похвала, вдохновившая девчат и придавшая им уверенности в себе...

Через несколько дней снайперы узнали, что погибла Саша Боровицкая. Это была первая страшная потеря в наших рядах. Саша была сибирячкой. Внешне она выглядела суровой девушкой, но была очень душевной и доброй. Особенно переживала смерть Саши ее напарница Валя Масленникова. Тогда мы поклялись отомстить за смерть подруги...

Утром мы снова вышли на «охоту». Часть девушек оставалась на КП, но и они не отдыхали. Катя Подшивалова, Ира Широкова и Галя Краузе обучали солдат меткой стрельбе, другие готовили обед, да и жилище свое надо было обустроить поуютнее, ведь несмотря на жестокость нашей профес-

сии, мы оставались женщинами...

Фашисты тем временем не давали нам покоя. Стоило нашему бойцу пошевелиться, как с вражеских позиций летела граната – расстояние было небольшим. Командир дал указание снайперам разобраться с этой ситуацией. Тогда Галя Чивильча и Тоня Канунникова оборудовали скрытые позиции в глубине обороны, и, как только появлялась рука с гранатой, они стреляли по гранате, которая разрывалась среди вражеских окопов с соответствующими для гитлеровцев тяжелыми последствиями.

Весной 1944 года нас пригласили на фронтовой слет. Там мы обменивались боевым опытом, повстречались со многими своими подругами из снайперской школы. Многие были награждены боевыми орденами и медалями. В числе кавалеров ордена Солдатской Славы была и я.

А на фронте происходили большие перемены. Все говорило о том, что война близится к победному завершению. Однажды утром кто-то вбежал в землянку и крикнул:

«Немцы на КП!» Мы схватились за оружие, однако немцы вели себя миролюбиво и при этом хорошо говорили по-русски. Познакомились. Один назвался Вальтером, другой – Йозефом. А вечером на передовой из динамиков зазвучала немецкая речь: Вальтер и Йозеф призывали своих соотечественников прекратить бессмысленное сопротивление...

В конце июля наши войска перешли в наступление севернее Витебска. Особенно тяжело пришлось под Даугавпил-

сом. В одном из боев я получила серьезное ранение. Помню, несут меня на носилках, а мои девчата, все в слезах, горестно идут рядом и несут мою именную снайперскую винтовку...

Только в канун нового 1945 года я выписалась из госпиталя. По состоянию здоровья я не смогла вернуться в часть и стала слушателем Военного института иностранных языков, и это на всю жизнь связало меня с армией...

**Котлярова (Захарова)
Антонина Александровна**

Я, Котлярова Антонина Александровна, 1923 года рождения, москвичка. Война началась 22 июня 41-го года, а мы, ученики восьмого класса 1-й школы ЛОНО, которая располагалась в Толмачевском переулке рядом с Третьяковской галереей, в это время гуляли по парку на Сельхозвыставке. Вдруг объявление по радио: будет выступать Вячеслав Михайлович Молотов. Почему-то все побежали на Центральную площадь. Ну, Молотов объявил, что враг вероломно напал на нашу страну. Что делать? Позвонили домой, нам сказали: «Идите срочно домой». Приехали. Мои родители и родители моего мужа, они имели на случай непредвиденных обстоятельств предписания явиться куда-то. Значит, Колин отец (Коля – мой муж), пошел в Ленинский совет и там организовывал ополченцев, потом они воевали и дошли от Москвы до Берлина. А мой отец пошел рядовым, потому что у него звания не было. Ребят пока в армию не взяли.

Все же мой муж Николай добился, чтобы его взяли в армию. Воевал на танках автоматчиком. Он приезжал с фронта в Москву, я его спрашивала: «Ну как, Коля, не страшно?» А он говорил: «Нет. Я за башенку спрячусь, доедем до немцев, мы спрыгнем с танка, постреляем, наша пехота подойдет и мы дальше едем». Я по глупости думала, что это и не страшно. А когда сама попала на фронт, посмотрела и думаю: «Как же это такой высокий человек (он под два метра был ростом) мог за башенку спрятаться? Это же мишень и все!» В общем, я хотела тоже попасть на фронт, но ничего не

вышло. Я поступила на станкозавод им. Серго Орджоникидзе, токарем. Работала, получала пайку – 800 гр хлеба. Так вот, когда приходила с работы, брала хлеб в булочной, что на Полянке. Получу эту пайку, разделю пополам, с водой съем половину и ложусь спать. Уснуть невозможно, потому что есть хочется, а половина буханки лежит в тумбочке. Встаю, доедаю вторую половину, сплю спокойно и наутро опять иду на завод. Когда объявляли воздушную тревогу, мы дежурили на улице, имели право даже ходить по Москве во время тревоги. И как-то раз дежурим мы около дома. Смотрим – на последнем этаже то закроют окно, то откроют – какие-то сигналы. В это время бомба попала в Малый Каменный мост. Мы сказали об этом дежурному начальнику. Они проверили и там оказалась немка, которая сигналила своим. А тут что, кинотеатр «Ударник» и фабрика «Красный Октябрь» – что, собственно, бомбить?

После паники 16 октября завод начали эвакуировать в Нижний Тагил. Я, конечно, не поехала. Зачем я поеду, когда я должна бить фашистов? Я пошла в военкомат – меня опять не взяли. Я вступила в комсомол. Осталась. Где-то надо работать. Я поступила в ремесленное училище № 60, оно у Калужской площади (сейчас Октябрьская). Там собирали мины, но все-таки для фронта. Потом оттуда нас послали заготавливать для Москвы дрова. Я ездила в Сасовский район Рязанской области. Когда я оттуда приехала, я все-таки добилась и попала в зенитную артиллерию под Москву. Это

50-й зенитный полк, который стоял на ст. Булатниково. Сначала я работала на дальномере. Там такой окуляр, который ловит цель, координаты передаются на ПУАЗО и потом уже на пушку. Потом перешла на ПУАЗО. Орудия у нас были 76-миллиметровые.

Какое было настроение в тылу, особенно в первый период, в период отступлений?

Когда паника была, во дворе сжигали книги Ленина, Сталина. А у меня было собрание сочинений Ленина 24-го года выпуска. Я ни одной книги не сожгла и не выбросила. Но паника была ужасной. 17-го или 18-го октября я видела, как по мосту везут на санях мешками сахар, конфеты. Всю фабрику «Красный Октябрь» обокрали. Мы ходили на Калужскую заставу и дальше, кидались камнями в машины, на которых начальники уезжали. Возмущались, что они оставляли Москву. Безобразие, может быть, но мы так поступали. В начале 42-го года в Москве редко встретишь человека на улице. Москва опустела.

Когда немцев стали отгонять от Москвы, а мне же вроде надо было идти против фашистов воевать, я тогда узнала, что на Силикатной имеется Центральная женская школа снайперской подготовки. Я ушла из зенитной артиллерии и туда поступила. Окончила ее с отличием, а так как мой Коля и наши отцы были на 1-м Белорусском – я попросилась туда поехать. Я, моя снайперская пара Ольга Важени-

на и еще примерно десять девушек поехали на 1-й Белорусский фронт. Это уже ноябрь 1944-го. Мы попали в 47-ю армию, 143-ю дивизию. Сначала мы стояли в городке Прага, под Варшавой. Наше отделение было все время вместе – мы упросили начальство, чтобы нас не разбирали по ротам.

Вот мы ходили на «охоту» с Ольгой. Днем выбирали позицию, потом перед рассветом ее занимали и уже вели свою охоту. Конечно, в основном выбирали позицию так, чтобы не изменить рельефа местности, чтобы немец не знал, что вот здесь, перед нашими окопами кто-то находится. При том, на фронте всегда получалось так, что наши позиции на голом месте, а немец всегда в лесу, в кустах.

Тут я должна еще сказать, что учеба – это одно, в школе, там много чего дают, но когда приехали на фронт, тут все по-другому. И мы, конечно, в амбразуры сунулись, чтобы посмотреть, а как там немец? И в этот первый день у нас убило девушку-ленинградку. Она всю блокаду была в Ленинграде, и в первый день приезда, когда она сунулась в амбразуру, ей пуля рикошетом попала под глаз. Так что наша служба на войне началась с похорон.

Когда первого фрица я убила, вернулась, ко мне пришел журналист, хотел взять интервью. Чего уж говорила – я не знаю, но я ни в этот день, ни на следующий ни есть, ни пить не могла. Я знала, что он фашист, что они напали на нашу страну, они убивали, жгли, вешали наших, но все-таки это человек. Такое состояние что... Второго когда убила, тоже

было ужасное состояние. Почему? Потому, что я же в оптический прицел его видела: молодой офицер. Он смотрел, вроде, на меня, и я вдруг его убила. Но это же человек! В общем, состояние ужасное. А потом уже чувства как-то притупились. Убивала – вроде так и положено. Освобождали Варшаву. Город большой. Винтовки у нас – да, но еще и автоматы. Гранат уже не по 2, а по 5. Вот мы освобождали каждую квартиру, каждый подвал, каждый чердак. Освободили.

Вы, фактически, как автоматчик участвовали?

Да-да. Тут уже как автоматчик, тут наше снайперское умение не действовало. Потому что, во-первых, как? Пока будешь целиться – меня уже не будет. Так что тут мы как автоматчики. Были случаи: посмотришь в прицел, ага, там, вроде, несколько немцев. Бросишь гранату, вроде, дело сделал. В общем, освободив Варшаву, мы пошли дальше.

Когда форсировали мы Вислу, там какая-то была высота. Нас, девушек, и еще человек 5–7 ребят оставили держать эту высоту, а наша часть шла дальше, гнала фашистов. И нам пришлось два дня ее держать. Ночью немцы старались взять «языка». Если бы знали, кто перед ними, конечно, они бы нас растоптали. Но они не узнали. Мы не допустили этого. Отбивали атаки, я даже стреляла из противотанкового ружья и пулемета. Отдача у него очень сильная. Здесь тоже не пришлось из винтовки стрелять, только иногда использовала ее прицел для наблюдения. Мы высоту эту удержали, а потом

наши подошли.

У вас какой был – ручной или станковый?

Максим обыкновенный. Тогда, по-моему других-то и не было.

Вас учили стрелять из него?

Нет, мы уже боевые. Мы все могли сами. А потом, все-таки у нас зрение, у нас навык. Мы же снайперскую школу кончали. Там только один мальчик погиб. Он сидел такой грустный, наверное, чувствовал, что погибнет – к амбразу-ре не подходит, к пулемету не подходит. Он сидел, сидел, и все... Как его убило, я не знаю. Наверное дернулся. Бывает так, что человек чувствует, что он погибнет.

Может быть, какие-то случаи поподробнее можете рассказать?

Как убивала? Это ужасно. Не надо. Я говорю, мы лежали с Ольгой на расстоянии вытянутой руки. Говорили тихо потому, что перед нами недалеко был немец. Они же все прослушивают. У них охранение организовано было лучше все-таки. Мы старались не шевелиться, потихонечку сказать что-то, выследить. До того все затечет! Допустим, я говорю: «Оля, я». Она уже знает – она этого не будет убивать. После выстрела я только помогаю ей наблюдать. Говорю, допустим: «Вон за тем домом, вон за тем кустом», она уже знает куда

смотреть. По очереди стреляли. Днем мы обязательно лежали на позиции, ночью приходили, и уходили ночью. Каждый день. Без выходных.

Вот вы говорите, что винтовку нельзя было подвинуть?

Ни в коем случае!

А как же она лежала? Просто уперта в плечо?

Уперта в плечо и у тебя обязательно палец на спуске. Потому что в любое время можешь нажать. Сектор обстрела 800 метров. И вот смотришь, смотришь – вдруг появится цель. Когда цель попадает в перекрестье, тогда я стреляю. То есть цель сама «подходит» под выстрел. Ну и, конечно, пристреляно это место.

Был случай, мы очищали лес. Конец войны, солдат мало, конечно. Снайперов послали опять с автоматами, но винтовки всегда при нас. С одной стороны мы, а с другой – наши разведчики. И вот мы шли друг на друга и забирали в плен, кто там попадался. Я тут отпустила мальчика. Такой он был заморыш, а у меня брат маленький, тоже такой примерно. Я пожалела его – не убила, и не взяла в плен, хотя конечно не должна была этого делать. Не знаю, может, потом его кто и убил или взял в плен, но я его не тронула.

Еще был случай, когда мы освобождали Дойч-Кроны, есть город такой. Этот город находился в лесу. Мы его, вроде,

освободили. Взяли много пленных. Идем дальше. Вдруг нас догоняют и говорят: «Город опять занят немцами». Мы их разогнали, а они из леса опять вошли в этот город. Пришлось второй раз его брать. Но мы тут уже никого не щадили – до того разозлились. Мы тут много поубивали, очень. Война есть война. Было такое дело.

Окончили мы на Эльбе. Расположились в немецких домах. В 3 часа подняли по тревоге. Стреляют, а мы не пойдем – думаем, неужели фрицы? Объявили конец войны. Мы побежали в подвал, там какую-то заразу нашли и пили, закусывая вареньем. Между прочими, когда мы были в наступлении, наш хозвзвод все время отставал. Освободим поселок, вот,ходишь в дом, а там на плите еда еще горячая. Девчата: «Тонь, давай попробуй». Вот Тоня-дура начинает пробовать. Если я сразу не умерла, значит, мы все это едим. А то, что вот убьют меня, я даже не думала. У меня даже в голове этого не было!

Потери были в вашем отделении?

Нет. Представьте, мы все живы. Но у двоих были тяжелые ранения. Мединская Лена и Нина Мазярова были ранены при артобстреле. Но они потом опять вернулись в нашу часть и мы до конца были все вместе.

Какое было к вам отношение солдат?

Хорошее! Солдаты к нам хорошо относились. Бережно, не

обижали. Нам то шоколадку подбросят, то еще чего-нибудь.

Какие были отношения с населением освобожденных стран – Германии, Польши?

Я особенно с людьми и не встречалась. Из-за угла в нас не стреляли.

А посылки посылали?

Нет. Какие посылки? Трофеи? Мы же солдаты. Нет.

Позже, в Германии зайдешь в дом – надо белье поменять, открываешь шкаф, берешь там комбинацию, брюки-то это наше, а нижнее белье меняешь. Портянки мы уже не носили, а надевали по 5–6 чулок шелковых, фильдеперсовых, – и в сапоги. Идешь дальше. И на этом я погорела. Под конец войны. Поменяла... У нас же вещмешков не было, мы их давно бросили в хозвзводе.

Противогазы тоже бросили. У нас только патроны, гранаты, винтовка. И вот уже перед концом войны зашла я в дом, там в шкафу чистое, перевязанное ленточками белье, я же не буду проверять, какое оно?! Поменяла все белье, а оказалось, оно штопаное! Так и приехала в штопаной комбинации в Москву.

Вообще, как мылись-стирались на фронте?

Сложно. Как-то в одно селенье зашли, там парная баня была. Мы туда зашли, а оттуда ели вышли – угорели, не зна-

ли, как ею пользоваться. В общем, сложно.

А вши были?

Нет. У меня не было. У солдат были. Стригли коротко. А в школе нас постригли всех как мальчишек. Я помню, мы один раз шли из столовой, а Маруся шла последней. Она болела, и у нее длинные волосы. А девочка стоит и говорит: «Мама, мама, вот смотри, дяденьки идут, одна тетенька только!» А мы в брюках и все подстриженные...

Как вы к немцам относились?

Ой, ненавидели!

Интервью: Артем Драбкин

Лит. обработка: Артем Драбкин

**Галышкина (Клейменова)
Мария Александровна**

Я родилась 14 октября 1923 года в деревне Николаевской Моршанского района Тамбовской области. Но я там очень мало прожила, папа был в то время строителем, строил университеты, и когда мне было три года, мы с мамой уехали в Ташкент, к папе.

Помню, однажды, мама принесла обед папе, а я села в ковш бетонной машины, мама хватилась, меня нет, спрашивает: «А где же Маруська?!» Нет нигде. Строители смотрят, я уже на пятом этаже.

В 1932–1933 годах папа с бригадой работали в Нальчике, и всю мамину родню он вызвал туда. Приехали мы в Нальчик, но пока собирались, все документы сгорели. Начали восстанавливать, и мне вместо 1923 года указали 1924 год.

Училась в школе, активно занималась общественной деятельностью. Еще в старших классах я окончила курсы медсестер. Помню, у частей, которые стояли в Нальчике, были тактические занятия, и вот из одной части пришел к нам в школу военный. Говорит: «У вас среди старшеклассников медики есть?» Все на меня показывают, говорят: она у нас одна умеет раны перевязывать, раненых таскать. А я была маленькая, щупленькая. «Она?!» «Хочешь, я тебя сейчас отсюда унесу на плече?»

Потом вышел указ об оплате за учебу в школе, а моя старшая сестра и ее подружки после 7 класса поступили в финансово-экономический техникум в Орджоникидзе. Когда она приехала получать паспорт, я ей говорю: узнай, если меня

примут на второй курс, тогда я не пойду в 10 класс. Она уехала, а потом прислала телеграмму: «выезжай, прием в ФЭТ есть». Мама говорит: «Это какой еще ФЭТ?» – «Финансово-экономический техникум». – «Слава богу, а я думала, что ты артисткой пойдешь»; – у нас хороший Дворец пионеров был и мы там ставили очень много пьес по Пушкину, Тургеневу, а я всегда играла заглавные роли, соседи все время говорили: «Вон наша артистка пошла».

Я приехала в техникум, поднимаюсь в учительскую и одна из педагогов подходит: «Девочка, ты кого потеряла?» – «Нет, я приехала поступать на второй курс». – «А документы?» – «Мне в школе не дали, я так приехала сама». – «Что с тобой делать?» – «Пустите меня в класс, я хоть школу-то пропустила, так хоть здесь не пропущу уроки». И меня отправили в класс, а там урок истории был. Учительница задает вопрос, расскажите о победах Петра Великого, все сидят, молчат, а я любила историю, говорю, можно мне. И рассказала о победах Петра.

Следующий урок – литература. Учительница: «Кто расскажет стихотворение?» Все молчат, а учительница по истории после урока рассказала, как хорошо я знаю предмет: «Она нам всем нос утерла, знает историю лучше, чем я, учительница!», – и Зоя Яковлевна Кибалова, учительница по литературе, говорит: «Может быть, нам новенькая что-нибудь расскажет?» – «Что вам надо: Чехова, Пушкина, Лермонтова?» Прочитала «Смерть поэта».

Меня оставили на втором курсе. В октябре я получила паспорт, пришли документы из школы. В школе педагоги жалели – ох, ах, такую девчонку потеряли, да что же мы ее не удержали! В ноябре вышел указ, что многодетным и малоимущим семьям учеба в школе бесплатно, а у нас в семье было семеро детей, да в 1941 году мама родила восьмого, брата. Я говорю: «Кто же знал? Зато остальные будут бесплатно учиться». Перешла на третий курс. Приходим сдавать экзамены. Смеемся, хохочем, друг другу вопросы задаем, преподаватель по инспекции и бухгалтерскому учету был такой грузин: Датошия, он не любил, чтобы девчонки красились, а я блондинкой была, а брови черные. Он берет платок и проводит мне по бровям. Я ему по рукам как дам. Говорю: «Во-первых, я девушка, не трогайте меня. А во-вторых, я не красшусь, это все мое родное». Он говорит: «Вот как надо драться за себя».

23 июня у нас должен был быть последний экзамен, а уже было назначено, кто где будет проходить практику, и вот 22 июня мы идем, смеемся, а по дороге едут велосипедисты, говорят: «Что вы ржете, как коровы?» «Что случилось, мы никому не мешаем, идем по дороге». «Война началась, бегите обратно в город». Мы помчались обратно, так пролетели, как ни один спринтер не пробежит. Вбегаю в общежитие, чемоданы сложены в стороне. Мы сразу же побежали в военкомат. «Товарищ комиссар, можно на фронт?». А каждые полчаса-час передает Левитан, как отходят наши части, как

немцы бомбят Киев, как на Севастополь налетели самолеты, но наши летчики их отогнали. Нам говорят, нечего еще на фронте делать, еще сопливые, выписывайте повестки тем, кто подлежит мобилизации. Пишем день, два, три.

Там я познакомилась с одной девочкой, Эммой, они с родителями и братьями перед войной из Житомира отдохнуть приехали, а тут война, куда им возвращаться? Мы с подружкой пустили их к нам в комнату переночевать, поделились хлебом. Через 60 лет мы опять встретились. Подходит ко мне в парке Горького Эмма и говорит: «Вы так похожи на одну нашу знакомую, которая училась в финансовом техникуме». «Не Маша Клейменова?» «Да». «Так это я!»

В конце 1941 года, когда немцы взяли Ростов, к нам пришел командир из погранучилища, тогда в Орджоникидзе было три училища – два пехотных и пограничное войск НКВД, говорит: «В училище формируется воинская часть, мы идем в горы, нужны санинструкторы, санитарки». Я говорю: «Иду». Пришли в горы, зашли в аул, ребята, донские казаки, которые ушли из Ростова, на лошадях, а я на тачанке. Вошли в аул, написано «сельсовет», командир туда. Поздоровались, спрашиваем: «Банда где»? Нам: «Никакой банды нет. Вот мой партийный билет, 24 года я в партии, 24 года я руковожу этим колхозом». Я говорю: «Ты не ври. Я на Кавказе прожила 10 лет, всех знаю, кто любит сало, кто нет». Он засмеялся, но командир ему поверил. Стали уходить и попали в окружение, в осаду. Кругом горы, сопки, сверху в

папахе такой говорит: «Командир, напрасно ты девчонку не послушал, мы вас сейчас здесь по одному расстреляем».

До ночи продержались, а ночью я говорю: «Давай-ка, поскачу до наших.... Они сейчас уснули». Мы копыта лошади лопухами обмотали, чтобы не цокали, и я поскакала, а там до окраины леса метров 250, а потом еще с полкилометра, если не больше. Мне совсем немножко оставалось, когда одно копыто начало цокать, и бандиты открыли огонь, пуля попала в ногу по касательной. Я примчалась, рассказала, там сразу училище подняли, а меня в больницу. Когда я вышла из больницы мне уже рассказали, что всю банду взяли.

Вышла из больницы, а недалеко была 57-я бригада морской пехоты. Я к командиру: «Возьми меня, я санинструктор, только что из боев вернулась». – «Иди, тебе нет 18 лет». Вернулась домой и нас сразу отправили под Моздок на окопы. Там были наши девчонки, студентки, много из воинских частей, делали окопы. В мае 1942 года я вернулась обратно, вдруг приходит один товарищ и говорит: «В 18 километрах от Орджоникидзе организуется снайперская школа. Записывают по желанию». Так я попала в школу снайперов, кроме меня в нее еще 200 человек девчонок зачислили.

Новый 1943 год я встретила в школе, а потом нас отправили под Грозный. Мы шли в полном боевом и на марше уже узнали, что немцы убегают. Ну пускай убегают, нам меньше идти.

Штаб Закавказского фронта тогда уже в Армавире был и

мы должны были прибыть туда же. Командир говорит: «Давайте проходящую машину остановим и попросим нас подбросить». Подходит машина, кузов под брезентом, я сзади подошла, брезент открыла и спряталась. Выходит майор в черной бурке и говорит, что везет боеприпасы, никого взять не может. Командир говорит: «А Клейменова где?» Я открыла брезент, помахала ручкой. Машина дошла до Минвод, остановилась, а январь-месяц, пурга. Шофер говорит: «Майор, иди отдохни, а я пока машину помою». В это время я говорю: «А меня кто будет снимать?». – «А ты как сюда попала?» – «Эх вы! И ты тоже, майор. Ты почему не проверил? Взяла бы и подложила гранату». Он ко мне. Я говорю: «Не лезь! Я с винтовкой, у меня 120 патронов. Идите оба отдыхайте, а я покараулю. И потом поедем с вами в Армавир». Приехала в Армавир, доложила, а им уже сообщили, что сюда идет школа снайперов.

В городе было все разбито, но где были более-менее целые дома, я написала «снайперы». Наши подъезжают, я докладываю: «Товарищ командир, дома я заняла!» Разместились, стали ждать покупателей, чтобы нас распределили по частям. Покупатели из частей прибыли, мы вышли, стоим в полном боевом и тут: «Клейменова, а ты как сюда попала?» Это комиссар 57-й морской бригады был. Я говорю: «Вы меня в прошлый раз не приняли, а теперь я хочу к вам».

В эту бригаду нас попало шесть человек. Нам выдали направление, идите догоняйте бригаду. Догнали бригаду и нас

распределили по батальонам, я со своей подружкой, Анечкой, попала в один батальон. Пришли, доложились, командир роты говорит, утром пойдем в атаку. Мы: «Вы-то идите, а мы-то чего? Найдём себе местечко, будем обстреливать». «Ничего, там место найдёшь!» И мы с Аней пошли в атаку. Там маленький пятачок, сарай, в нём немцы. А кругом болота, лиман, камыши. У меня ботинки 43-го размера были и я отстала, иду, а навстречу два матроса: «Ой, Маша, всех наших побили. Наша разведка... её бы саму всю побить!» Оказывается, у немцев в сарае стояла пушка типа нашей 45-мм, а наверху миномет, и по берегу 19 пулеметов. В результате всех покосило, только они вдвоем раненые успели уйти. А Аню немцы в плен взяли, потом изнасиловали и повесили. Похоже, когда взяли в плен немцев, я подошла к одному, говорю, открой рот. Командир говорит, не лезь, а то попадёшь под трибунал...

Пришли на КП, встали в оборону, девчонки из другого батальона говорят – мы идем на охоту... А у меня отобрали винтовку, говорят – успокойся, потом пойдёшь. В ночь с 3 на 4 февраля я пошла на охоту. Мне один лейтенант говорит: «Маша, давай, я с тобой пойду». На охоту надо обязательно надо вдвоем ходить, один наблюдает, второй стреляет. Пошли. Он был начальник похоронного бюро, говорит: «Ты думаешь, мне приятно хоронить? Надо вытаскивать документы, отправлять похоронные письма». Пришли на передовую, отошли от наших окопов, рассветает, тихонечко дождь мо-

росит. Вдруг один немец выходит, говорит: «Русский солдат, давай...» Я говорю, я тебе сейчас дам. Только он присел, я нажимаю спусковой крючок. Он сразу упал. На его крик еще подошли, я их всех уложила. И пошли скорей оттуда. Ребята-артиллеристы говорят – уходите скорее, тут сейчас мессиво будет. Прихожу, села и плачу. Командир говорит: «Ты чего ревешь?» – «Ничего, мало убила». Я тогда еще письмо получила, что 19 января 1943 года под Краснодаром погиб папа, он автоматчиком был. Потом еще несколько раз сходила на охоту. А потом немцы бежали и бежали...

Тогда, в марте, много наших девушек погибло. Сначала Аня погибла, она такая спокойная была. Я что-нибудь психану, она меня успокаивает: «Спокойно, нервы не мотай». Девчонки из школы говорили: «Маш, тебе повезло. Ты боевая, а Аннушка тебя уравнивает». 7 марта погибла Зина. Она нашла себе воронку, и оттуда, когда по берегу шли немцы она их потихонечку: шелк, шелк – и себе делала заметки на винтовке. Мы в разных ротах были, встречались только на отдыхе. Я ей говорю: «Зина, ты чего с одного места стреляешь?!» – «А что?» – «Тебя пристрелят». Она с одним мальчиком из Барнаула и вдруг 7 вечером он идет и ее несет. Немцы заметили, откуда она стреляла, и обстреляли ее. А 8 марта погибла Попандополова Оля. Она была старше всех нас, с 1919 года. Автоматчики потом рассказывали – она только привстала на колено, и пуля ей в лоб попала.

Потом меня перебросили в рыбацкой лодке на Малую

землю, а со мной Тонечку Бобкову, санинструктора.

Она уже была на Малой земле, у нее дед рыбаком был. И вот он 6 февраля пошел посмотреть, куда можно высадить танки, все считали, что придут 83-я, 255-я, 79-я бригады, 50-я и 165-я дивизия, вышел из блиндажа, а тут немцы обстрел начали и ему два осколка досталось, один в пах, а другой в позвоночник. Его ночью переправили в Геленджик, но было уже поздно, и 10 февраля он скончался.

Нас с Тонечкой переправили, она пошла в роту санинструкторов, а я осталась на передовой. Мне показали мое место, зашла в палатку, наклонилась к винтовке, чтобы ее протереть, вдруг сзади погладили, я локтем опа. Поворачиваюсь – подполковник. Я говорю: «Что? Сладко?» А у нас был один автоматчик, ему в Севастополе памятник стоит, говорит: «Ну что, товарищ комиссар, попало? Нам уже всем попало. Не трожьте, а то сейчас пальнет из винтовки, будь здоров». Подполковник говорит: «Надо же, прямо в глаз». И ушел.

Дали мне одного молоденького мальчика из Барнаула и мы с ним ночью потихонечку вышли на охоту. Вижу, что-то шевельнулось, леса нет, что-то не так. Одна веточка шевельнулась и в это время выстрел, пуля попала за ухо. Меня привезли в санроту, там еще одна девушка лежала, у нее не было половины ноги. Заходит фельдшер Ниночка, говорит: «Маша, ну как ты?» – «Немножко поцарапало». И вдруг телефонограмма: немедленно пришлите снайпера Клейменову

в свою часть. Я оттуда на лодку и к себе. Приезжаю в повязке. Говорю, одного убило, больше нет. И со своей бригадой дошла до Темрюка. 4 октября освободили Темрюк, идем, с одной стороны сумка, с другой винтовка, устала, хочу пить, и вдруг гроздья винограда... Я только потянулась, меня по руке хлоп: «Ты чего? Там за гроздьями винограда мины». Если бы я схватила, все бы легли... «Марш на камбуз, будешь картошку чистить». Ребята: «Ура! Машка будет на камбузе».

Отдохнули, нашу бригаду влили 316-ю дивизию и бросили под Полтаву, оттуда с боями шли до Киева. Подошли к Киеву. Город весь разрушен, стены и пустые окна. Один говорит: «Вась, глянь-ка наверху свастику, ах твою налево». Берет флаг, говорит: «Маша, наблюдай. А мы поднимемся наверх, будем флаг вешать». Снимают немецкий флаг, вешают наш. Я прислушалась, идет тень. Что там? На всякий случай выстрелю. Выстрелила. Ребята, говорят: «Ты что ли стреляла?» – «Я». – «Вон лежит твой фашист».

6 ноября освободили Киев. Пошли на Балаклаву. На Балаклаву мы наступали от Керчи, она уже была освобождена, 10 апреля 1944 года Одессу освободили, а 11 апреля Керчь. А ребята молодые, идут в бескозырках, ну как же – морская пехота. Я говорю: «Сейчас же снимите бескозырки и спрячьте, знаете, как хорошо видно снайперу золотые ленты, в башку получите».

Под Балаклавой меня ранило. Граната шуранула, меня всю обожгло. Пролежала немножко в госпитале, пришла от-

туда, и меня направили в 317-ю дивизию. Я говорю, я же с морской пехотой. «Сиди, они уже далеко ушли. Потом пойдешь в свою дивизию». В 317-й дивизии винтовки у меня уже не было, я до конца войны с санитарной сумкой ходила.

17 июня мы попали в Карпаты, там небольшая речка была, а у нас боец был, узбек, если он жив, дай ему бог здоровья, очень высокий, вот такие плечи, ПТР через плечо носил, он меня в охапку схватил и перетащил.

Перед этим девушки из санузла позвонили, говорят: «Маш, мы тебе привезли бинты, вату, немножко сульфидина». Я говорю: «Нет, я спускаться не буду. Мало ли чего может случиться». Вдруг внизу шумиха, я смотрю, вроде в нашей форме, но что-то непонятное. Я вниз посмотрела, говорю: «Командир, посмотри, там что-то не то». Он позвонил по телефону вниз, а там только кричат: «Банда, измена, предатели». Наш телефонист говорит:

«Уходите!» Наверху узбек с ПТРом остался и еще один казах, а мы спустились вниз к мосту, у нас там станковый пулемет был, и в это время взрыв, и ребята, весь расчет, погибли. Начали переходить через речку, а она быстрая, горная, меня закружило, шинель вокруг меня закрутилась, и стреляют. Мы потом более трехсот дырок насчитали в шинели, но в меня ни одна пуля не попала. Нас было человек 12, идем. Спрашиваем: «Кто?» – «Бандеры переоделись в нашу форму».

Нас от части отрезали и мы пошли – поднимались наверх,

спускались вниз. Идем, идем, идем, а с нами был телефонист с полевой рацией, он сообщил, что мы пробираемся через Нижние Карпаты. Сказали, чтобы мы держались, пришлют подмогу. В это время кто-то из наших ребят прислонился к березе, а она вся гнилая, столько лет-то стояла, улетела, а из-под нее вылетел камень и попал в голову нашему телефонисту, и он готов, и рация готова. Мы остались без связи. С нами еще один майор был из штаба, только пришел посмотреть, как у нас тут оборона, так с нами и остался. Его в пах ранило, я ему перевязку сделала. Он мне подарок сделал, лимон, так тот лимон у меня и был с собой. Каждому по чуть-чуть давала. «Товарищ майор, видите, как ваш лимон нас спасает?!»

Поднялись наверх, смотрим – внизу немцы, извилистая закарпатская дорога и по ней идут штрафники. Немцы бьют, а штрафники перешагивают и идут дальше, не сгибаясь, как в фильме «Чапаев», психическая атака...

Вдруг приходит один из разведчиков и говорит: «Идемте, я вам местечко покажу». Мы по одному спустились, пришли к своим. «Где вас носило?» Я говорю: «Комбат»... Похохотали. Майор говорит: «Если бы не Маша, она нас держала в кулаке». Комбат говорит: «Эх, вы командиры, один майор, а другой старший сержант»... Посмеялись и махнули в дивизию.

Освободили Румынию. Идем по Бухаресту, там красивые, старинные здания, храмы. Иду, рот разинула. Слышу: «Не

упади», – румын на чистом русском языке говорит. Поговорили, оказалось, его родители эмигрировали. «На родину не хочешь?» – «У меня теперь здесь родина». «Ну и как здесь?» – «Как и везде. Кто-то живет богато, кто-то бедно. У нас средняя семья».

Под новый, 1945 год, вышли к Будапешту, Новый год справили около Будапешта. Там аэродром был, ангары слева, а внизу, может, для профилактики, такой настил, и огромный, как в цирке, купол, там может даже самолет остановиться. Командир полка сказал: «Ох как хорошо! Мы будем здесь связь держать».

Будапешт освободили 17 февраля 1945 года. Только город освободили, в подвалах было набито битком, и свои, и чужие, и бандеровцы, и власовцы. А там как – как только столицу взяли, так они сразу переходят на сторону советской армии. Как только Бухарест освободили, Михай пришел, говорит – ну, теперь я с вами дружу. И Болгария перешла на нашу сторону. Югославия перешла. Австрия только не перешла.

Помню в Венгрии сидим, и тут приходит офицер и молодая интересная женщина. Говорят на чисто русском: «Будем помогать». Командир полка спрашивает: «А ты кто такая?» – «Я с Украины». – «Как ты сюда попала?» – «Вышла замуж за офицера венгерской армии. Когда была в оккупации, многие повыходили замуж и уехали». Начальник разведки говорит: «Брысь отсюда, пока не расстрелял. Идите в СМЕРШ, раз-

бирайтесь там».

После Венгрии идем по Дунаю, Австрия, бой идет, а мы сидим, ждем раненых. Я решила: не буду ждать, может, кого-то поймаю. Пошла по шоссе, навстречу раненые идут, куда тебя несет, там такая мясорубка, не лезь. Вот тут раненых подбирай и в повозку. Несколько человек несли раненых, мы их на повозку погрузили, а в это время немцы начали обстреливать шоссе. Один из снарядов разрывается впереди нас, метрах в 50, нашу коляску повалило вместе с лошады. Меня выбросило, накрыло крупом лошади, всем дерьмом и кишками, нога, и рука подвернуты, все в кровище, в говнище. Ребята идут, говорят, ой, смотрите-ка, девчонка наша. Откопали. Дышит! Заворачивают в плащ-палатку, отнесли в деревушку. Принесли, развернули. Врач посмотрел, а мне после ранения под Шепетовкой хирург в ногу трубочку вставил, чтобы ногу не ампутировать, говорит, будешь ходить – зарастет, и тут ее задело. Нога висит, рука висит... Хирург посмотрел, ну, сейчас тебя на операционный стол и отбачаю. «Я тебе отбачаю!» – «А чего?» – «Сделаешь, как было». И вдруг вижу, идет хирург, который меня под Шепетовкой лечил, смотрит: «Маша!» «Вашу работу испортили». «Не дам ампутировать ногу. Немедленно обработайте, и вставьте шпильку. Это все в гипс замуровать. Потом будешь ходить, с палочкой бегать». Мы посмеялись.

Сделали операцию, лежу в палате, пятеро девчонок, одна летчица, у нее рука загипсована, как крыло самолета, а

я пришла на костылях. Улеглась, лежу на кровати и эта девочка умирает. Когда проснулась, ее нет на постели. «Где же летчица Лена?» – «Она умерла». Может, сердце не выдержало или гангрена. Сколько смертей видела.

Наши по Дунаю идут, уже к Вене подходят. На подступах к Берлину бои идут, я думаю, господи, а я тут еще лежу до сих пор. Профессор, видимо, хотел меня сберечь, чтобы я подольше пролежала в госпитале. Я говорю – нет, доктор, мне надо к своим. А в это время 317-я уже была в подчинении Дунайской флотилии. Меня вызывают: «Ты что здесь разлеглась?» – «У меня еще нога вон какая». – «Перевязывай свою ногу. И на мотоцикл». «Справку хоть возьми». Потом оказалось, что это был Юматов, наш знаменитый актер. Отвез он меня в Венский лес. Пришли к командующему Дунайской флотилии: «Ну что пришла?» – «Пришла!» – «Вот группа собирается, бери суму и катись с ними в Венский лес». Вена тогда уже освобождена была, ее 14 апреля освободили, а мы пошли лес прочесывать.

Я говорю: «Ребята, давайте посмотрим могилу Иоганна Штрауса». Пришли, там чуть-чуть плита сдвинута, видимо, как бомбили, и мы слышим кто-то кричит. Ребята бегут: «Вы что здесь колупаетесь?» – «Гоняем фашистов». «Каких фашистов! Война окончилась!»

Мы вниз спускаемся, а там американцы новенькие студебекеры жгут. Я говорю: «Ребята, у нас в России ничего нет, давайте попросим в подарок». – «Ну, иди». Пошла. Прихо-

жу. Выходит представитель с переводчиком. Я говорю: «Подарите, вы все равно жжете, а в России нет». – «Пожалуйста».

Побыли немножко в Вене. Оттуда нас увезли, часть в Израиль, часть в Югославию. Я там замуж вышла за матроса, с которым служила.

Меня в Вене его друг нашел, Миша Мамонов, пришел к нам за перевязочным материалом, а там я. Он: «Маша, а тебя Толик ищет». Я тоже искала, мы переписывались через родных. 5 июня свадьба была. Мы в Югославии были, а регистрироваться пришлось в Будапешт ехать. Зарегистрировались, вернулись в Югославию, ребята натащили со всех сторон подарков. Я говорю: «Что вы мне чужие тряпки принесли, не надо мне ничего!» – «Ладно, Маша, одно платье сошьем».

Спасибо, Мария Александровна. Еще несколько вопросов. Вы говорили про засаду банды на Кавказе, что это за банда была?

Те, которых не добили в 18–20-м годах и дети тех, кого убили, казнили. Они организовали свою банду.

Чему учили в училище?

Как стрелять, маскировать, снайперскую винтовку изучали. Винтовка была Мосина 1891 года, снайперский прицел. Как передвигаться, двигаться с винтовкой. Как ползать по-

пластунски, маскироваться в голом поле, стрелять по движущейся мишени, когда человек сидит. Нас учили 7 месяцев.

Какая дистанция стрельбы?

Метров 150–200.

Вам полагалось табачное довольствие?

Да. Даже в училище давали. В училище давали турецкий табак и очень многие девчонки, особенно детдомовские, курили. А я получала шоколад... Хотя мне предлагали, никогда не курила.

Как с личной гигиеной на фронте?

Это зависит от самой женщины. Если я аккуратная и чистоплотная, говорю, ребята, штыки вверх... Сразу в круговую, если на отдыхе, набрасывали шинели, заходила туда, что надо делала. А когда были в окопах, там у командира роты, взвода, блиндаж, прихожу, говорю: «Ну-ка, катись отсюда»... Один раз было так, пошли в бой, а у меня месячные, я овчинную варежку подложила, потому что больше ничего не было...

Трудно было, конечно, тяжело. Но все равно – только деревню или городишко заняли, грею сразу воду, подмылась, вымылась, постирала... Одна у нас была, Нина, ходила в ватных брюках, запах невыносимый, никак не могли заставить ее вымыться, такая вот была грязнуля...

Вши были?

Были. Много. Один солдат ко мне приходит, Маша, я себе всю грудь ободрал. У него были лобковые вши, цепляются, как клещи... Обрила его, у него была такая густая шевелюра. И было у нас жидкое мыло «К».

Еще белье в бочке прожаривали, и при каждом удобном случае старались помыться. Берем огромные лопухи, снопы, накрываем все на угли, снимаем все с себя и туда...

Специальное женское обмундирование было?

Было. Когда мы были в школе, в начале войны специального женского обмундирования не было специального, ходили в обмотках, брюках, гимнастерках... Но в конце 1943 года приходит интендант и кричит: «Девчонки, я на вас обмундирование получил». Рубашки, юбки, сапоги, но трусиков не было, были кальсоны, даже лифчики были. А то раньше отрезали от кальсон и сами себе шили лифчики.

В юбках ходили?

Мало. Больше в брюках.

Все-таки в армии мужской коллектив, как там женщине?

Зависит от самой женщины. Если она себя поведет строго, если она будет себя вести со всеми одинаково, не разрешать

себя лишний раз поцапать, к ней будут относиться с уважением. Если она пойдет по рукам, выгонят. Как у моряков.

Многие из нашего училища вели себя хорошо. У нас было три девушки детдомовских, когда мы еще были в училище, они уже жили с командирами отделений. Одна

Катюша Маслова, пела она бесподобно. Маленькая, толстененькая. Другая Наденька. Стоим один раз на посту, они рассуждают, как надо держать ноги. Я говорю: «Дурочки вы, дурочки!» – «А чего? Жить надо, – они были моложе меня года на два, с 1925, 1926 года. – Все равно убьют». А уже когда разошлись по частям, как уж у них пошло, не знаю. А одну сразу отчислили из училища, даже в бой не попала, на нервной почве, не выдержала, Раечка Копарева из Орджоникидзе. А вторая не помню ее фамилии, копия Ломоносова, такая же круглолицая, здесь ямочки на щеках, такая же курчавая, но она, видимо, где-то уже занималась, потому что была очень развита. Я-то со студенческой скамьи. Еще Анечка, которая погибла, была преподавателем. Они уже многое знали. Она мне говорит: «Машка, с тобой удобно».

Насколько я знаю, разговаривал с женщинами, мужчины в своем коллективе нормально относятся, а посторонние кричали «рама»...

И ППЖ кричали. Говорили: «У, подумаешь, сучка». И такое было. Однажды получилось так, мы только ушли на отдых, мы были перед Житомиром, как раз под новый 1944

год. Освободили несколько городов. Освободили уже Киев. Должны идти в сторону Сиваша. Идем, старшина сзади: «Маша, ты не устала?» – «Нет». Вдруг он постарался меня обнять, я говорю: «Как в морду сейчас дам». – «Подумаешь, ППЖ, недотрога». А сзади шел один командир взвода, который со мной прошел ой-е-ей сколько: «Ты откуда к нам пришел?» – «Из госпиталя». – «Ты знаешь ее? Сейчас убью и скажу, что немцы убили!» Вот так защищали. Вот такие были моменты. А если сама пошла по рукам...

Многие уходили с детьми. Мы уже жили в Будапеште. 1946 год, а там пара была, Толя и Нина. Я как-то сказала: «Толя, Нина не сегодня-завтра родит. А в ЗАГС?» —

«Подумаю». – «Как подумаю, у тебя скоро ребенок будет». Уехали они в Измаил. Мы в 1947 году приезжаем в Измаил, смотрю, она навстречу: «Нина! Где Толя?» – «Ушел, смысла». Не зарегистрировались.

Она осталась работать в городе, а специальности-то никакой. Я плохо, бедно, но финансист. Мне в Вене сказали: «Вот тебе технические паспорта, и шуруй отправляй машины». Я пришла в техотдел, они говорят: «Мы тут не разберемся». Начали вместе разбираться. И когда я в 1947 году вернулась в Союз, меня сразу направили в военно-морские части в бухгалтерию.

Какое у вас лично отношение к тем женщинам, которые становились ППЖ?

Я никогда не осуждала. Это их проблемы. Только один раз Кате сказала – ты плохо проживешь...

Когда перешли границу, столько было венерических заболеваний! А в 9-й армии, на Кубани, немцы специально оставили самых красивых женщин, заразили их сифилисом... Обещали их потом вылечить, у них было такое лекарство. Вливали в вену горячее подсолнечное масло, все грибки погибали.

Вас на фронте проверяли на венерические болезни?

Да, каждый месяц.

На фронте суеверия были?

Я всю жизнь с крестиком ходила, мама сказала: «Маша, это твой крестик с рождения, старайся его не потерять».

И комсомолка, и в партии была, сказала, хотите примайте, хотите нет. Церковь отделена от государства, но верить-то не запрещено.

Сколько было моментов... На Кубани были в обороне, нас хотели после боя отвести на отдых. Отошли уже, вышли из блиндажей, ходов сообщения. Свистит бомба, командир говорит: «Ложись!». Я говорю – нет, вперед, она не долетит. Отбежали метров на 25–30, бомба упала на крышу блиндажа, и не разорвалась. Я говорю: «Бог помог». – «Да иди ты со своим богом».

Уже стояли в обороне на Кубани, еще Темрюк не был освобожден. Пришли в кубанскую баню. Зашли. А недалеко стояли наши минометчики. Они подошли. Я всегда причесанная, подтянутая. С винтовкой и санитарной сумкой: «Кого пристрелить, кому перевязку сделать». Посмеялись. И вдруг летит. Я говорю, ребята, уходим под дерево, никуда не бегайте. Мои ребята купались, я им говорю: «Ребята, не выходите из бани». Они там остались. А я встала под дерево. Весна, все цветет. Прижалась к дереву, закрылась, чтобы не попало в глаз. Вдруг стон... Я говорю – ребята, выходите, там, по-моему, всех минометчиков посшибало. Подбежали, у одного напильник в плече, у другого в ноге. Остальные все насмерть. Никого не осталось. А в расчете 10–12 человек. Никого не осталось, на глазах... Они говорят – Машка, ты счастливая.

Жили тогда сегодняшним днем или строили планы на будущее?

Строили планы на будущее. Знали, что надо восстанавливать, все города были разбиты, разрушены, вспоминали 20-е годы, Гражданскую войну, когда лазили банды.... Думали, что еще как заживем! Будем еще жить при коммунизме...

Брежнев был хороший, отчаянный мужик. Он в 1944 году на 8 марта собрал всех женщин, и говорил, что еще заживем, все будет хорошо, мы еще покажем всему миру, на что способны. Только вы старайтесь не попадать под пули. И вдруг

уходит начальник связи, потом заходит и несет ребенка, это в госпитале было, там рожала жена начальника артиллерии. Хороший мальчик.

Говорит: «Ленька принимай Леньку!» Пошел поздравить роженицу. Хороший мужик был.

Посылки с фронта посылали?

Да. У мамы же восемь детей было – один одного меньше. Солдатам было разрешено посылку в 5 килограмм отправлять, а офицерам в 10, и вот ко мне приходили ребята, у которых некому было посылать посылки, отдавали свои квитанции, чтобы я могла послать посылку.

Один раз послала одно пшено, 10 килограмм, больше ничего не было. Мама написала – большое спасибо, я всем раздала, мы полгода ели суп из пшена.

Вы к немцам относились, как к противнику, или ненавидели?

К населению относились неплохо. Мы же народ добрый, кормили население. А к нацистам относились с ненавистью. Господи, как вспомню, когда под Шепетовкой шли бои, пошли к колодцу, а там дети плавают, пока всех повытащили... Пощады им нет, прощения никому нет, сколько сожгли!

Мародеры были?

Как в любой армии есть и хорошие, и плохие, зависит от

человека. Один весь в дерьме, а останется чистым. А другой наоборот весь чистый, а останется дерьмом. Был такой случай: заболела гражданская женщина в Будапеште, и я пошла к ней, а тут зашел один, и тащит все из гардероба. Я говорю: «Ты что делаешь? Катись отсюда, пока морду не набила!» – «Подумаешь, шмакодявка!» А у меня парабеллум был, я его достаю: «Сейчас пристрелю, ложи все на место». А хозяйка вся дрожит, вся в слезах – приходят, забирают. Вот такие еще были.

А как население к вам относилось?

Неплохо. Но были случаи, когда чуть не отравили.

Когда были в окружении, пришел батюшка, я говорю, не против, что вы католик, а я православная, бог у нас один. «Истинная верующая, знает, что Бог у нас один, вероисповедания разные, а Бог один». Он нас исповедовал. Ушел. Смотрю, двое по земле катаются. Что случилось? Один переел каши, ему стало плохо. Я поднимаюсь, беру чайник с теплой водой, наливаю ему в рот. Промыла желудок, все, прошло. Второй, ему подали отварные яблоки, делали компот, он успел только один глоток сделать, разведчик как даст по этой кружке.

Священник зашел, увидел: «Да простит меня бог, сейчас пойду, сам убью. Хотя не имею права, и бог не велит убивать». Две прислужницы подсыпали мышьяк. Одного в тяжелом состоянии отправили в госпиталь.

А мне как-то принесли стакан сметаны: «Ешьте». «Я съем только после того, как кто-то попробует». Она берет ложечку, ест, только тогда я поела. Отравлений было полно.

Как вы считаете, женщинам на фронте место есть или не должна была там быть?

Должна. Там, где появляется женщина, мужчины стараются быть опрятными, культурными. У женщин сил больше, чем у мужчин. Нужны женщины на войне.

Интервью и лит. обработка:

А. Драбкин, Н. Аничкин

Вакаров Константин Александрович

Я родился в Кишиневе 6 мая 1924 года в самой обычной семье.

Расскажите, пожалуйста, немного о том, как ваша семья жила до войны.

При румынах мы жили настолько тяжело, что даже не хочется вспоминать эти годы... Пока был жив отец, то было еще более-менее, но после того как он умер мы стали откровенно бедствовать, ведь нас в семье было четверо детей: старший Николай, я, Петя и Настя. Но отец работал полоте-ром, а это очень тяжелая работа, и видно на ней он настолько подорвал свое здоровье, что однажды сильно заболел и умер. Мне тогда мне было лет десять. Помню, прихожу из школы, а он уже совсем плох. Я стоял у его кровати на коленях, а он видно чувствовал, что уходит, и сказал нам: «Коля пойдет работать, а ты Костя помогай маме во всем...»

И после его смерти мы стали жить совсем тяжело, откровенно говоря, голодали. Фактически поднимала нас мама, но что она, простая прачка, могла заработать? Это же тяжелей-ший труд, но платили за него совсем немного. А ведь в ту пору даже элементарного водопровода не было, поэтому нам

постоянно приходилось ходить за водой на Бычок или на водокачки, где ее можно было купить. Еще я помогал маме носить корзины с бельем, так у меня такие мозоли были... Помню, как одна хозяйка на Садовой рассчитываясь с мамой сказала мне: «Мальчик, можешь пойти нарвать себе яблок в саду», так это для меня был настоящий праздник. Чтобы вы себе лучше представляли, как мы тогда жили, могу вам сказать, что для нас лакомством был подгоревшая корка мамалыги, которую приходилось соскребать на дне казана... А про мясо я вообще молчу, его мы ели крайне редко. Помню, у нас на базаре был один знакомый мясник еврей. И всякий раз, когда мы ходили на базар, он маму подзывал: «У меня для вас есть кусочек мяса». – «У меня еще нет денег». – «Ничего, вернете, когда сможете», потому что все знали, что наши родители были честными людьми и всегда отдавали долги. Да о чем говорить, если я помню, как мы однажды купили поллитровую бутылку подсолнечного масла, и для нас это было великой радостью... Даже новый чайник не могли купить, и все время пользовались тем, который папа привез из немецкого плена в 1-ю мировую...

Вот так мы не жили, а мучались. Как-то нас старалась поддерживать папина сестра, которая жила в Яссах, но мы все очень рано начали работать. Николай, например, еще до призыва в армию уехал в небольшой городок Биксад, это где-то в северной Трансильвании на границе с Венгрией, и устроился на работу в карьер, где добывали камень. И однажды я туда к

нему съездил. Посмотрел, как он тяжело трудится, попробовал сдвинуть груженую тачку, но у меня ничего не получилось. Так что я вам хочу сказать, что наш народ очень быстро позабыл, как мы еще совсем недавно жили. Появилась масса политиков-Зпатриотов», которые всеми силами тянут наш народ в то «светлое» прошлое и культивируют ненависть к коммунистам и русским людям... Но ведь эти «благодетели» сами ничего не знают о том, какая жизнь в то время была. А надо знать и помнить... Вы думаете, я им забуду нашу беспросветную жизнь и как они убили моего старшего брата?!

Вашего брата убили румыны?

По-другому это назвать никак нельзя. Коля был 1921 г.р., и в 1939 году его призвали служить в Королевскую армию. Вначале мы даже обрадовались, что его оставили служить прямо в Кишиневе, в 7-м пехотном полку, который располагался на территории нынешней Скулянки, но как оказалось зря... Однажды на стрельбище он плохо отстрелялся, насколько я помню, нам рассказывали, что из пяти патронов три промазал. И его прямо там же раздели по пояс, положили на оружейный стол, руки замкнули и били шомполами смертным боем. Вы же не знаете, но румыны когда били, то любили приговаривать что-то издевательское. Потом отвезли его в полк, но через трое суток он умер... Один из ребят, которые с ним служили, жил с нами на одной улице и рассказал все это. А мы когда Колю раздели, то он был весь си-

ний от побоев...

Вообще в румынской армии самый большой начальник был ефрейтор. Если к кому-то приезжали родители, то вначале нужно было его умаслить, чтобы он разрешил встречу и передачу. И тот же парень с нашей улицы нам рассказывал, что когда вечером перед отбоем ефрейтор задавал вопрос: «Кто желает почистить мне ботинки?», то вскакивали все. Потому что если кто-то не вскакивал, то ефрейтор обращался к остальным: «Правильно ли он поступает?» И приказывал другим: «А всыпьте-ка ему 30 плетей»... Офицеры же были грамотные люди и такими вещами не занимались. Да, они могли взять взятку за какие-то поблажки, увольнения там или еще что-то, но именно младшие командиры считали себя богами... О чем говорить, если считалось нормальным, когда за мелкие провинности заковывали в кандалы...

А моего брата забили до смерти именно потому, что он был бессарабец. (Бессарабия – восточная часть исторической области Молдовы, которая располагается между Черным морем и реками Дунай, Прут, Днестр. – Прим. Н.Ч.) Ведь «настоящие» румыны всегда презирали «немытых» молдаван, и в то время в ходу у них для нас было страшно пренебрежительное ругательство – «мырлан». Это вроде как жлоб, идиот, тупица. По своему смыслу и оскорбительности это ругательство очень близко к русскому «быдло».

Кстати, расскажите, пожалуйста, о межнациональ-

ных отношениях в Кишиневе при румынах.

Как ни старались румыны сделать так, чтобы все говорили только на румынском, но у них ничего не получалось, потому что Кишинев был многонациональным городом и между собой все говорили только на русском языке. Вот взять, например, даже нашу семью. У нас отец молдаванин, а мама русская, но в семье говорили только на русском, хотя, конечно, и молдавский язык тоже знали. У нас был небольшой домик на Инзовой горе, у «Красной Мельницы». (здание одной из первых паровых мельниц, появившихся в Бессарабии во второй половине XIX века. Ныне памятник промышленно-индустриальной архитектуры локального значения. – Прим. Н.Ч.), и на нашей улице, и у нас в округе, да и в городе в целом все в основном говорили на русском языке. Но не дай бог, если кто-то из полицейских вдруг услышит русскую речь, ведь при румынах было официально запрещено разговаривать на русском языке. Везде: в государственных учреждениях, в магазинах, и даже в киосках, которые продавали сигареты и спички обязательно висели таблички: «Vorbiti numai romineste!» – «Говорить только на румынском языке!» И не дай Господь этот запрет нарушить, полиция очень строго следила за этим. Помню, после войны во время парадов и демонстраций я много раз по долгу службы стоял в оцеплении на улице Ленина, и всякий раз поражался, сколько же там стояло милиционеров и солдат. Ведь я прекрасно помню, что при румынах на площади во время скопле-

ния народа стоял всего один полицейский – домнул (господин) Авраам. Например, 10 мая отмечали какой-то государственный праздник, так, когда на площади собиралась толпа и напирала к трибуне, на которой находились представители власти, этот домнул Авраам не кричал, не нервничал, а просто ходил вдоль специально начерченной полосы, и стоя, руки за спину, обращался к толпе: «Господа, вы же знаете, я два раза никогда не повторяю. Кто заступит за полосу, пусть не обижается...» И никто не переступал, потому что у него была такая плеть, что после первого же удара люди от дикой боли мочились...

Активно действовала и «Сигуранца» (тайная политическая полиция в королевской Румынии, главной целью которой была борьба с оппозиционными королю партиями и организациями – прим. Н.Ч.) Кто-то что-то ляпнет, особенно про коммунистов, так его тут же арестовывали и нещадно били. И не только били...

Я хорошо помню, как начали поднимать голову разного рода националисты и фашисты. (В конце декабря 1937 года буквально на несколько месяцев к власти в Румынии пришла крайне правая профашистская национал-христианская партия, сторонников которой по имени ее главного идеолога – профессора политэкономии Ясского Университета Александру Куза, называли «кузистами». – Прим. Н.Ч.) Как они в своей форме: черных брюках, синих рубашках со свастикой собирались на небольшой площади у тюрьмы, митингова-

ли там и даже распевали песню о том, как они убили премьер-министра Калинеску. (В 1938 году в обстановке тяжелейшего политического кризиса король Румынии Кароль II отдал приказ арестовать лидера «Железной Гвардии» Корнелиу Зеля Кодряну, чья популярность в стране росла не по дням, а по часам. В ходе показательного процесса лидер этого крайне правого националистического движения был осужден «за измену Родине» на десять лет каторжных работ. Однако любовница короля – урожденная еврейка Магда Лупеску, чрезвычайно опасавшаяся роста национального подъема и антисемитизма в стране, потребовала большего, и в итоге Кароль II отдал тайный приказ об убийстве Кодряну. В ночь с 29 на 30 ноября 1938 года в Танкабештском лесу Кодряну и тридцать его соратников были зверски убиты, якобы, при попытке к бегству. Несколькими днями позже убийцы, стараясь скрыть следы преступления, вырыли тела, облили серной кислотой и перезахоронили их в другом месте, но, несмотря на это вся правда о произошедшем вскоре стала достоянием румынского общества. В ответ на это «Железная Гвардия» развязала кровавый террор в отношении представителей верховной власти, началом которого стало убийство 21 сентября 1939 года премьер-министра Калинеску. В тот же день legionеры захватили радио и объявили на всю страну: «Мы выполнили свой священный долг – казнили палача!» Вскоре были застрелены еще несколько министров, а за королем началась настоящая охота, в результате чего 6

сентября 1940 года Кароль II отрекся от власти в пользу своего 13-летнего сына Михая I-го, а сам поспешно бежал из страны. У самой границы легионеры все-таки настигли его поезд, но бывшему королю лишь чудом удалось скрыться. — Прим. Н.Ч.) И вот только после этого убийства за них взялись основательно. Помню, однажды как раз в разгар всех этих событий я шел на работу и на углу Соборного парка, там, где сейчас стоит газетный киоск, лежали три трупа «легионеров». Как сейчас их вижу: все в крови, застреленные в затылок, а один босой... А возле трупов стоял часовой в белых перчатках и была табличка: «Так будет с каждым...» Но когда Советский Союз поставил румынскому правительству ультиматум освободить Бессарабию в 48 часов, то этой власти вмиг не стало.

Я как раз хотел спросить о том, каким вы запомнили 28 июня 1940 года?

Во-первых, это случилось совершенно неожиданно. Помню, вдруг, ни с того ни с сего начали бегать мальчишки, продававшие газеты, и громко кричали: «Ультиматум советского министра Молотова!» И румынские власти настолько быстро уехали, что мы даже понять ничего не успели. Но наша кондитерская стояла во дворе нынешней мэрии, и я лично видел, как там сжигали столько документов, что эти кипы бумаг потом еще двое суток горели.

А много людей тогда уехало в Румынию?

Нет, совсем немногие. И ладно еще, когда уезжали богатые люди, тут понятное дело. Например, там, где сейчас находится главный вход в примэрию Кишинева, тогда находился самый лучший мясной магазин в городе, которым владели два брата – поляки Ковальские. Потом люди рассказывали, что они не стали дожидаться Красной Армии взяли по полному чемодану с деньгами и поехали в Румынию. Но уже в вечерних газетах мы прочли заметку, что сразу при выезде из города, на Скулянке, один из них убил другого и сбежал со всеми деньгами...

И хозяева нашей кондитерской, хоть они и были по национальности русские, тоже уехали в Румынию. Но ведь были и такие люди, которых я не понимал, почему они уезжают. Помню, одни наши знакомые с Рышкановки просто бросили свой хороший дом и поспешно уехали: «А вот говорят, что красные убивают, расстреливают».

А вы, кстати, хоть что-то знали о жизни в Советском Союзе?

Сейчас мне почему-то вспомнилось, как люди рассказывали, что румынские солдаты через Днестр кричали советским пограничникам: «Эй, красные, вы, что там все под одним одеялом спите?»

Но вы лично обрадовались приходу Красной Ар-

мии?

Конечно, потому что буквально сразу я почувствовал себя нормальным человеком. На нашу улицу заехали танкисты, и меня поразило, насколько уважительно они к нам относились. Мама их покормила, постирала им белье, и они в благодарность за это дали какие-то деньги. По цифрам хоть и немного, но нас поразило, что на них можно много чего купить.

Так что отношения между людьми стали совсем другими. Ведь когда с тобой уважительно разговаривают, то и ты к себе начинаешь относиться совсем по-другому. Даже само обращение – товарищ, как гордо звучало...

Да и в материальном плане стало намного легче, поэтому впервые в жизни мы смогли нормально приодеться. Что вы, я почувствовал себя **ЧЕЛОВЕКОМ**, поэтому и стал пламенным патриотом Советской власти, хотя раньше был абсолютно далек от политики.

Как прошел год при советской власти?

Как и все хорошее пролетел почти мгновенно. Я продолжал работать все в той же кондитерской, что и при румынах, но пошла уже совсем другая жизнь. И зарплата нормальная, и вовремя, так что никакого сравнения с жизнью при румынах. И вы не думайте, что раз кондитерскую национализировали, то без хозяев все сразу развалилось. Нет, мы продолжали также напряженно работать, потому что правило «Кли-

ент – всегда прав» осталось незыблемым. Если бы вы только знали, как мы работали и сколько у нас было самых разных предложений для клиентов. Постоянно ходили, смотрели, что нового у других, учились, перенимали. А про вкус и качество я вообще молчу. Разве это можно сравнить с тем, что делают сейчас?! Какие мы делали конфеты, пирожные, торты, а халва прямо таяла во рту...

Я кстати, хотел попросить, чтобы вы немного рассказали о своей работе в кондитерской.

В школе я окончил всего четыре класса. Походил немного и в пятый, причем учился хорошо, но учебу пришлось бросить, потому что нужно было идти работать и помогать маме. Вначале устроился помощником к сапожнику, но проработал там недолго. На воскресенье он сам уезжал, а мне давал такое задание – выравнивать кривые гвоздики. Целую коробку, даже сейчас помню, какой они были фирмы – «Техі». Я раз выровнял, два выровнял, а потом просто смылся через окно, потому что это было невозможно, все руки в кровь исцарапаны, пальцы побиты...

Но зато потом мне по-настоящему повезло. Как-то я шел по нашей центральной улице и на двери кондитерской «505» вдруг случайно увидел объявление, что им требуется ученик. Набрался смелости, зашел и попросился на работу. «А ты знаешь, что здесь придется много и тяжело работать?» – «Я готов», и проработал там до самого начала войны. Но ра-

ботали действительно тяжело, потому что вставать приходилось в два часа ночи. Будильник ставили в пустую кастрюлю, звонок – и вперед, готовить тесто. Но, несмотря на всю тяжесть, это работа считалась хорошей, потому что, то пирожочек перепадет, то немного крема. А вы знаете, что такое заварной крем для «наполеона», когда он еще теплый? Это же настоящая сказка...

Вначале я был простым учеником, но через три года работы успешно сдал экзамен на подмастерья, и уже у меня самого появился ученик. Но это просто мне повезло с хозяевами. А вот моему приятелю, который работал в другой кондитерской, нет. Там у его хозяина было два сына, так они ему специально подложили что-то в карман, вроде как поймали на воровстве, и выгнали. И фактически три года коту под хвост... Зато мне на людей везло. Кстати, такой показательный момент.

В 1940-м году после установления Советской власти к нам из Одессы приехал комиссар, даже фамилию его помню – Мацерат. Собрали коллектив кондитерской, человек пятьдесят всего набралось: работники цеха, официанты, слесаря, продавцы, агенты, и этот Мацерат поставил вопрос: «Нужно определить судьбу вашего управляющего. Никого не бойтесь и говорите правду». И не нашлось никого, ни единого человека, кто бы хоть полслова сказал против него, потому что это был на редкость справедливый и заботливый человек.

Многие ветераны вспоминают, что в последний предвоенный год ходили упорные слухи о начале войны.

Да, такие слухи были, но лично я их просто не воспринимал всерьез. Потому что когда пошли такие разговоры, то я просто не понимал, с какими силами румыны собираются пойти против нас воевать. Ведь, когда при румынах недалеко от нашего дома стоял 30-й артиллерийский полк, то я сам видел, как пушку у них тащила полуголодная худая лошадка, а чуть раньше вообще быки таскали. Так что мне казалось несерьезным, что румыны решатся с такой «мощью» пойти против Красной Армии.

Как вы узнали о начале войны?

Когда рано утром немцы в первый раз бомбили Кишинев, то мы все были просто в шоке, настолько это оказалось неожиданно. В то воскресенье я работал, и когда потом возвращался домой, то увидел, что на углу Ленина и Пушкина там, где сейчас находится «Детский мир», вплоть до самого Собора, валялась обувь из разбомбленного магазина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.